

ФОРМАЛИЗОВАННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ МГИМО

И.Н. Тимофеев

В 2006 г. в России был издан перевод резонансной работы Джейн Джекобс «Закат Америки». Эта книга интересна фиксацией ряда разрушительных тенденций, свойственных несущим конструкциям американского общества. В частности, речь идет о кризисе американской науки, которая традиционно полагается фундаментом технологического и экономического лидерства США. «...она [наука] явно застряла на стадии вычленения отдельных фрагментов без серьезного понимания того, как они взаимосвязаны с другими фрагментами целостных систем. Весьма частичное понимание, соединяясь с характерной для ученых самоуверенностью, подталкивает нас к тому, чтобы делать ошибки, которых в других обстоятельствах мы бы не совершили. ...Если лженаука продолжит распространяться, как гниль, если с ней будут мириться и поощрять ее с помощью грантов от властей и корпораций, расцвет научных достижений в Северной Америке неизбежно затухнет», — писала Джекобс¹.

Первоначально я обратил внимание на выводы Джекобс сугубо с позиций американистики. Однако впоследствии они привлекли меня в связи с вопросом о перспективах российской политологии.

Проблема видится в следующем. Американская политическая наука на сегодняшний день считается безусловным

мировым лидером. Для мировой политологии американские исследования выступают ценным источником, как с точки зрения используемой методологии, так и с точки зрения их результатов. Ее сильная сторона заключается, на мой взгляд, в значительном числе эмпирических исследований, систематическом и формализованном сборе фактов, их сопоставлении и анализе, опять же, посредством более или менее формализованных процедур. Высокий уровень эмпирической работы дал богатую содержательную основу для развития политической теории².

Вместе с тем формализованные методы — это всего лишь инструмент, который может не только способствовать появлению новых парадигм, но консервации уже имеющихся, их превращению в идеологии. Американская сравнительная политология, похоже, в той или иной степени попадает в эту ловушку. Наиболее яркий пример — исследование проблем демократии и демократизации,³ в которых политическая составляющая иногда под-

¹ Джекобс Д. Закат Америки. Впереди средневековье. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 145.

² Это хорошо видно на примере теории международных отношений. См.: Тимофеев И.Н. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности // Вестник МГИМО — Университета. 2008. № 3.

³ О превращении категории демократии в идеологический концепт см.: Алексеева Т.А. Насилие и демократия в политике США // Международные процессы. 2008. № 2 (17).

меняет научную при соблюдении правил применения методов⁴.

Российской политологии эти явления оказывают медвежью услугу. Они дискредитируют использование количественных и иных формализованных процедур, которые начинают восприниматься скорее как технологии манипуляции результатом, а не получения научного знания. Это зерно падает на благодатную почву. В отечественной политической науке применение формализованных методов только набирает обороты. Крупные формализованные исследования, направленные на объяснение, а не описание (вопрос «почему», а не «что»), по-прежнему остаются редкостью. Язык и требования подобной методологии сами по себе слабо укоренены. Это препятствует пониманию данных исследований. Обостряется соблазн их восприятия как «сомнительных процедур», используемых для легитимации заранее известного результата или же, в лучшем случае, доступных для понимания узкой группы специалистов-неполитологов (математиков, экономистов). Формализованным методам и процедурам нередко противопоставляется уникальность экспертного знания, естественно, в пользу последнего.

Парадоксально, но для американской политологии эта проблема также актуальна, хотя и с обратным знаком, когда формализованные модели начинают полагаться в качестве универсальных, а их расхождение с реальностью считается случайностью или ошибкой. Приме-

чательно, что на такие случайности указывают именно эксперты и делают это, первоначально, скорее, на основе «озарения» или «инсайта», а не четко отработанной процедуры исследования: в получении нового знания процедура и метод скорее догоняют, а не опережают творческого эксперта.

Истина, как всегда, оказывается где-то посередине, причем российская наука (или ее заметная часть) оказывается с одной ее стороны, а американская — с другой.

Понимание этой ситуации может оказаться весьма интересным для политологической школы МГИМО. В России она является одной из старейших — факультету политологии недавно исполнилось 10 лет. Однако его потенциал базируется на 65 годах экспертной работы советских и российских международных. МГИМО богат теми самыми экспертами, которые, опираясь на свой опыт, могут поставить корректную исследовательскую задачу изучения и сравнения политических процессов зарубежных стран, предупредить о нюансах и сложностях, которые не фиксируют даже самые «продвинутое» формализованные модели. С другой стороны, ученые МГИМО в российском контексте были среди новаторов в области применения формализованных методов в сравнительных политических и международных исследованиях (опыт Проблемной лаборатории, Центра международных исследований, Института международных исследований, ряда кафедральных школ, а также крупных исследовательских проектов, таких как «Политический атлас современности»).

Тем не менее, задача сочетания экспертного знания и формализованных методов крайне актуальна для мгимовской политологической школы. Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить возможные пути решения этой задачи. Движение в этом направлении может стать одной из технологий укрепления лидерских позиций политологической школы МГИМО в следующие 10 лет.

⁴ Здесь примером могут выступать некоторые выводы исследователей Фридом Хаус, которые делаются на основе проведения экспертных опросов, в т.ч. относительно состояния политических прав и гражданских свобод в России. Не претендуя на лидерские позиции России в мире по этим параметрам, все-таки сомнительным представляется характеристика России как «несвободной» страны, сопоставимой с режимами в ОАЭ, Катаре, Руанде, Иране, Мавритании и ряде других стран. URL: <http://www.freedomhouse.org/uploads/fiw09/MOF09.pdf>

1

Для начала определимся с понятием формализованных методов. Будем понимать под ними методы сбора и обработки информации, изучения и сопоставления фактов, выявления причинно-следственных связей между ними, которые предполагают заранее определенный алгоритм, процедуру или правила проведения подобной работы. Процедура и правила — сущностное понятие данной категории. Собственно они и формализуют метод, делают его воспроизводимым другими исследователями для проверки сделанных выводов или для получения новой информации.

Этим формализованное знание, в чистом виде, отличается от экспертного знания. Блестящее определение последнего дает Бент Фливерберг: «...Истинное мастерство основано на интимном опыте, на тысячах индивидуальных случаев и на способности различать ситуации со всеми их нюансами, различиями, не отфильтровывая их до состояния формул или стандартных образцов. Проблема здесь аналогична неспособности поисковых компьютерных экспертных систем приблизиться к уровню виртуозов человеческой экспертизы, даже если эти системы сравнимы с экспертами, придумавшими правила этих систем. Ибо эксперты не используют правила, а действуют на базе опыта детальных случаев. Это — настоящая экспертность... Правила — это характеристика экспертных систем, но не реальных живых экспертов»⁵.

Тем не менее, формализованное и экспертное знание тесно переплетены. В конечном итоге познавательные процедуры и правила возникают не сами по себе, а создаются именно экспертом. Он же имеет выбор между правилами, созданными предшественниками или учителями. Он же может менять их, исходя из поставлен-

ной им уникальной исследовательской задачи. В реальности же мы часто сталкиваемся с перекосами в сторону игнорирования правил или же их переоценки.

Приведенное выше определение охватывает весьма широкий спектр методов и процедур. Они отличаются друг от друга по степени формализации, то есть по возможности трансформировать правила применения методов и интерпретации результатов. К наиболее формализованным, конечно, относятся количественные методы. Так, проводя элементарный корреляционный анализ, мы вынуждены применять конкретную формулу расчета коэффициента корреляции между переменными. Кроме того, эти коэффициенты задают четкое направление интерпретации полученного результата — корреляция либо есть, либо ее нет, она либо значима, либо нет и т.п. Однако даже в высоко формализованной исследовательской процедуре обнаруживается большое количество «подводных камней», требующих экспертного подхода, знания тонкостей об исследуемом объекте. На результаты корреляционного анализа могут повлиять, например, так называемые «выбросы» — случаи с аномально высокими или низкими значениями параметров. США являются «выбросом» в терминах военных расходов, значительно опережая другие страны. Люксембург — «выброс» в терминах ВВП на душу населения. Россия — «выброс» в терминах смертности от убийств, самоубийств, несчастных случаев и прочих неестественных причин на 100 тыс. человек населения и т.п. Выявление этих «выбросов» и определение их влияния на итоговый результат в проверке гипотезы осуществляется с помощью формализованных процедур (например, элементарного ранжирования или построения графика рассеяния). Понимание же их природы и, главное, их учет в проверке гипотезы остается на усмотрение эксперта: он вынужден будет либо применять другие процедуры и правила для получения дополнительной информации,

⁵ Фливерберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 16.

либо использовать свои уникальные знания об этих странах или случаях.

В политической науке количественные методы сами по себе могут серьезно отличаться по уровню формализации. Ограничения задает уже сам характер используемых переменных. Одно дело, когда мы используем такие переменные, как ожидаемая продолжительность жизни или количество лет, в течение которых страна N жила без государственных переворотов. Совсем другое, когда мы вводим в анализ шкалы — например, шкалируем на основе наших представлений и критериев уровень внутренних конфликтов (Гейдельбергский институт), демократии (Полити), восприятие коррупции (Трансперенси интернешнл) и т.п. Такие переменные более условны и оспариваемы, хотя, подчеркнем, их использование может дать нетривиальные результаты, невидимые «невооруженным» взглядом эксперта.

Оригинальные результаты можно получить также, подвергнув количественной формализации изучение текстов (контент-анализ) или событий (ивент-анализ). И здесь полученные результаты и применяемые правила могут быть оспорены. В случае контент-анализа, например, дискуссия экспертов может развернуться вокруг единицы анализа — понятий, предложений, разделов текста. В случае ивент-анализа — вокруг отбора событий, способа их кодировки, иерархизации и т.п. (Например, какое событие имеет более выраженный конфликтный потенциал — использование экономических санкций или проведение военных маневров вблизи территории вероятного противника? Каким должно быть числовое отличие этих событий в шкале «конфликтности»? Чем обосновать это отличие?) Но даже при условии подобной оспариваемости формализация этой работы дает принципиально новый исследовательский продукт.

Исходя из данного выше определения, к числу формализованных можно отнести и качественные методы. Несмот-

ря на меньший уровень формализации, они все-таки базируются на ряде изначально очерченных исследователями правил и процедур. Скажем, проведение фокус-группы осуществляется на основе заранее разработанных вопросов (гайда), социально-демографической, профессиональной или иной квоты участников. Существует ряд требований к проведению фокус-группы, без соблюдения которых результаты могут считаться ненадежными: модератор не должен навязывать своего мнения или критиковать; он пресекает или снижает эффекты группового взаимодействия, способные исказить результаты (конформность, эффект присутствия других) и т.п. Большинство качественных методов подразумевает свод правил, процедур и «рутин», используемых при их проведении или воспроизведении.

Граница между неформализованным обменом мнениями и формализованным качественным методом хорошо видна на примере отличия круглого стола и мозгового штурма. Круглый стол подразумевает свободный обмен мнениями и дискуссию на заданную тему. Мозговой штурм (в самой простой его вариации) — то же самое, но с соблюдением жесткого правила: сначала участники высказывают свои идеи и только потом эти идеи, критикуются и обсуждаются. Таким образом, участники высказывают самые нетривиальные и оригинальные идеи, которые при иных условиях они высказать не могли бы в силу личных особенностей (лидерские качества, уровень конформности) или боязни критики. Существует много разновидностей мозговых штурмов, в которые включены и иные процедуры и правила их проведения⁶.

Эта граница хорошо прослеживается и на примере анализа документов. Формализация

⁶ См., например: Примаков Е.М., Хрусталев М.А. Ситуационные анализы: методика проведения. Вып. 1. М.: НОФМО-МГИМО МИД РФ, 2006.

лизация процесса работы с документами подразумевает введение или использование существующих критериев релевантности, отбора и систематизации документов, которые жестко прописываются в исследовании. (Хотя данному процессу может и должна предшествовать неформализованная поисковая часть предварительного знакомства с имеющимся массивом документальных данных.) Даже метод кейс-стади, который на первый взгляд дает эксперту наибольшую свободу, базируется на солидной процедурной основе, сочетающей количественную и качественную составляющую. Чего стоит процедура отбора случаев и ее обоснование или формирование матрицы сравнения и сопоставления кейсов⁷.

В целом назначение формализованных методов можно определить необходимостью выхода за пределы здравого смысла и индивидуального (хотя и уникального) опыта отдельного эксперта или экспертов. Последние не защищены от стереотипов, инерционности знания, ограниченности опыта. Формализация эмпирического исследования позволяет выйти на более высокий уровень аргументации и защиты выдвигаемых предположений и уже на этой основе увеличивать добавленную стоимость экспертных знаний.

2

Приведенные выше рассуждения могут показаться трюизмом. Однако они актуальны по двум причинам. Первая. В российской политической науке аргументация положений и проверка гипотез посредством формализованных эмпирических методов и процедур — скорее исключение, нежели практика. В результате работа наших ведущих экспертов-политологов, в том числе имеющих богатый опыт практической работы, лишается очень важного условия для их последующего развития. А именно — среды большого количества исследовате-

лей, которые бы вели непрерывную верификацию или развитие идей ключевых экспертов посредством формализованных методов. Такая работа выявляет новые грани экспертных находок и формирует в этой дискуссии новых экспертов. Иногда таких исследователей называют «ремесленниками», ведь на первый взгляд применение формализованного метода представляет собой использование уже созданных процедур. На деле же, даже применение методов, опробованных сотни и тысячи раз, может дать непредсказуемый и нетривиальный результат, будучи примененными в ином контексте или для решения иной задачи.⁸ Кроме того, именно применение формализованных методов представляет собой удобный способ проверки теорий и их сопряжения с прикладными задачами.

Хороший пример подобной работы дает случай американского конструктивизма в теории международных отношений. В 1992 г. вышла известная статья Александра Вендта, в которой он подверг жесткой критике положения реализма и неореализма. Эти парадигмы господствовали в американской теории международных отношений периода «холодной войны». Вендт предложил относительно новую объяснительную схему выбора государств между миром и войной, определив в качестве независимой переменной идентичность государств и их взаимное восприятие друг друга в качестве друзей или врагов.⁹ Американский уче-

⁷ См.: Gering John. *Case-Study Methodology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

⁸ Так, например, в «Политическом атласе» мы использовали дискриминантный анализ для индексирования стран мира по заданным параметрам, хотя его основное назначение — группировка стран и оценка вероятности принадлежности исследуемых объектов к той или иной группе. См.: Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полуин Ю.А., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н. *Политический атлас современности*. М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2007.

⁹ Wendt Alexander. *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics* // *International Organization*. Vol. 46. No 2. Spring 1992.

ный не обеспечивал эмпирической поддержки своим допущениям. Его статья носила сугубо теоретический характер, будучи выполненной на достаточно высоком уровне абстракции. Однако после ее публикации в США появилось достаточно большое число работ, в которых тезисы Вендта были подвергнуты серьезной эмпирической проверке при помощи как количественных, так и качественных методов. Подобные исследования весьма способствовали сопряжению конструктивизма с конкретными прикладными задачами. Такими, например, как влияние на идентичности и системы ценностей представителей элит и иных социальных групп в зарубежных странах с целью повышения или сохранения лояльности Соединенным Штатам или «западной» системе ценностей в целом (решение данной задачи является частью арсенала «мягкого влияния»). Кроме того, эмпирические исследования с использованием формализованных методов позволили конкретизировать ряд конструктивистских тезисов и предложить ответы на ряд неочевидных вопросов: как государственная идентичность сопрягается с идентичностью конкретных лиц, принимающих политические решения? Каковы конкретные механизмы определения «своих» и «чужих» в различных страновых контекстах? Какова логика распространения идентичности или системы ценностей среди граждан, а также в международном сообществе государств? Почему те или иные идентичности приживаются в одних случаях и отторгаются в других и т.п.¹⁰ Очевидно, что ответы на эти вопросы способствовали как обогащению теоретического дискурса, так и решению практических задач американской внешней политики.

¹⁰ См. например: Atkinson Karol. Constructivist Implications of Material Power: Military Engagement and the Socialization of States, 1972–2000 // International Studies Quarterly, Vol. 50, 2006. Rousseau, David. Identifying Threats and Threatening Identities. The Social Construction of Realism and Liberalism. Stanford : Stanford University Press, 2006.

Вторая причина, по которой я обращаю внимание на формализованные методы, состоит в ряде стереотипов, сложившихся в нашем политологическом сообществе. Среди них, например, мнение о том, что применение формализованных методов в основном дает «банальные» результаты, которые и так известны экспертам, выхолащивая многообразный опыт до уровня простейших причинно-следственных связей. Или же в выявленных закономерностях обнаруживается множество исключений, которые нивелируют ценность находок. Другой стереотип — правила и процедуры применения формализованных методов можно «настраивать» для получения искомого результата. Третий стереотип: ряд методов (особенно количественных) непонятен для политологов; они должны оставаться в предметном поле экономистов, психологов, математиков, социологов, филологов или представителей иных наук, породивших эти методы. Так как данные методы непрозрачны для политологического сообщества, их применение бесполезно в аналитических записках для государственных структур¹¹.

Эти стереотипы имеют под собой основания. Однако они или преувеличивают слабости, или искажают суть формализованных методов. Касательно «банальности» результатов достаточно отметить, что в отношении тех или иных явлений, как правило, существует несколько *альтернативных* гипотез. Кроме того, даже если получен ожидаемый результат, работа

¹¹ С подобными стереотипами я сталкивался в ходе целого ряда конференций, семинаров и круглых столов, на которых представлялись результаты эмпирических исследований, выполненных в МГИМО с помощью формализованных методов. Среди них: «Политический атлас современности» (количественные методы: дискриминантный, факторный, кластерный анализ); «Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения» (метод фокус-групп); «Потенциал и эффективность внешней политики России: 2008–2009 гг.» (экспертные опросы), «Дилемма безопасности и динамика военных расходов великих держав» (нелинейное моделирование) и др.

с данными может дать целый ряд новых деталей о наблюдаемой причинно-следственной связи. Так, например, в одном из недавних исследований мы выдвинули гипотезу о том, что рост военных расходов великих держав повышает вероятность вооруженного конфликта между ними. Эта на первый взгляд привычная для международников гипотеза получила целый ряд существенных уточнений благодаря динамической модели, которая использовалась для анализа изменения военных расходов во времени. Далеко не всякая гонка военных расходов приводит к войне. Нам удалось выявить тип процесса, в наибольшей степени способствовавшего развязыванию крупных вооруженных конфликтов¹². Что касается локальных конфликтов, то модель, безусловно, выявляет ряд исключений, но это скорее обогащает исследование, превращая эти случаи в предмет отдельных кейс-стади.

Относительно второго стереотипа: манипуляция данными в процессе их обработки, конечно, возможна. Однако зачастую она не имеет практического смысла. В этом случае результаты искажаются априори. Кроме того, подобные уловки часто могут быть выявлены другими исследователями (в этом преимущество формализованных методов), что нанесет урон репутации исполнителей проекта. Гораздо больше возможностей для манипуляций открывают неформализованные методы.

Третий стереотип в целом отражает проблему все более глубокой специализации современной науки. Между тем успех применения формализованных методов часто базируется на междисциплинарном подходе. Нет нужды доказывать, что ситуация, когда представители различных дисциплин сидят в «башне из слоновой кости» препятствует научным достижениям. Например, российские математики и экономисты обладают уникальным набором

методов моделирования политических процессов. Но часто они не могут перевести свои выводы на язык политической науки, встроить их в теоретический мейнстрим, без чего даже самый оригинальный подход «повисает в воздухе». Политологи, со своей стороны, далеко не всегда имеют необходимый опыт для использования даже простых моделей для проверки и защиты своих предположений.

В этом смысле аргумент о том, что в органах государственной власти «не поймают» методологию, маскирует, а не решает проблему. Лица, принимающие решения, и не должны разбираться в тонкостях методологии. Ведь в аналитических записках, в отличие от научных статей, излагается суть полученных результатов и даются рекомендации, а не защищается методология. Что, конечно, не подразумевает ее отсутствия как таковой.

3

Политологическая школа МГИМО в свете обозначенной проблемы имеет ряд важных преимуществ. Во-первых, это наличие сильной теоретической базы, без которой применение любых формализованных методов теряет смысл. Новаторское исследование начинается с постановки вопроса и дискуссии вокруг причинно-следственных связей, которые ложатся в основу гипотез. Прошедший недавно Первый ежегодный политологический симпозиум МГИМО показал высокий уровень подобной дискуссии¹³. Во-вторых, факультет является частью мгимовского сообщества экспертов-страноведов и регионоведов, владеющих редкими языками, имеющих опыт дипломатической или академической работы в различных странах мира. В-третьих, большинство наших экспертов вовлечено в сопровождение принятия политических решений, то есть решает востребованные прикладные задачи. Иными словами, для

¹² Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4.

¹³ Симпозиум состоялся 22 декабря 2009 г. Он был организован факультетом политологии и кафедрой политической теории МГИМО.

развития практики широкого использования формализованных методов имеет- ся важное условие: наличие теоретической школы и экспертного сообщества, которое сможет выстраивать получаемые с помощью формализованных методов результаты в более или менее целостные системы, избегая фрагментации знания.

Развитие системного применения формализованных методов на факультете может включать в себя следующие составляющие.

Создание баз данных по ряду исследовательских направлений, являющихся приоритетными для наших экспертов. Назначение — систематический и непрерывный сбор фактов по изучаемому направлению, их кодировка в установленном порядке и организация в виде информационной базы, доступной для дальнейшей интерпретации. Базы могут быть количественными или качественными. Количественная база подразумевает выражение факта в виде числового значения. Например, для исследователей проблем войны и мира это данные о военных потерях, потенциалах сторон и т.п. В исследованиях демократизации — данные электоральной статистики. Проверка ряда гипотез может потребовать анализа экономической и социальной статистики. Такие данные могут браться из широкого круга источников, однако их сбор должен носить регулярный характер. Этим создание и ведение базы данных отличается от эпизодических ссылок на те или иные количественные показатели.

В качественных базах факт выражается в виде текстового описания. Примером может служить фиксация событий в СМИ и их ранжирование по различным критериям (инициатор, объект, результат и т.п.). Наличие системы отбора событий и их сортировки, равно как и документальное выражение базы, отличает ее от простых ссылок на сообщения СМИ или иные источники, приводимых в текстах исследований. Базы данных дают непосредственную содержательную основу для

применения различных аналитических процедур. Архив баз данных имеет ценность как для исследовательской, так и для учебной работы. Студенты могут оттачивать свои аналитические компетенции на тех базах, которые созданы под решения конкретных задач. Они могут принимать и активное участие в их создании и обновлении.

На факультете уже есть задел в области создания баз данных. В частности, значительный опыт был получен в ходе разработки количественных баз данных проекта «Политический атлас современности»¹⁴. Отдельные базы были созданы для таких учебных курсов, как «Нелинейные политические процессы», «Методы политического анализа» и «Введение в методологию социально-политического исследования». Крайне интересные результаты были получены исследовательской группой Т.А. Шаклеиной на базе использования ресурсов Политико-дипломатического ситуационного центра МГИМО. В настоящее время Центром аналитического мониторинга ИМИ МГИМО ведется разработка событийной базы данных по ряду проблемных направлений внешней политики России.

Следующая составляющая может подразумевать поощрение использования формализованных методов студентами, аспирантами и молодыми учеными в квалификационных работах или в процессе подготовки научных публикаций, создание рабочих групп по ряду проблемных направлений для анализа и обработки имеющихся баз данных. Опыт показывает, что раздел «Методология исследования» в квалификационных работах является одним из наиболее слабых мест. Особенно это актуально для выпускников магистратуры и аспирантуры. Часто эмпирические методы либо не при-

¹⁴ Изначально в рамках «Атласа» была создана база данных для 192 стран мира по состоянию на 2005 г. Затем эта база была существенно расширена за счет сбора данных за период с 1989 по 2005 г.

меняются, либо используются в самом зачаточном виде. Этот пробел, как правило, компенсируется анализом литературы, привлечением источников, использованием опыта практической работы и т.п. Вместе с тем применение формализованных эмпирических методов способствовало бы существенному совершенствованию защищаемых работ. Так, например, студент, аспирант или молодой ученый, специализирующийся на изучении страновой проблематики и направляемый на стажировку в данную страну, мог бы не только наблюдать происходящие там политические процессы посредством «погружения» в среду, но и использовать ряд несложных формализованных процедур: экспертный опрос, интервью, работу с архивными документами, иные методы. В этом случае его труд будет более организованным и системным.

Наконец, речь идет о сопряжении формализованной эмпирической работы с опытом ведущих экспертов факультета и института. Приведу два примера подобной работы. В первом случае эксперт сыграл решающую роль в успехе исследования до начала применения формализованных методов. Речь идет о недавней типологии суверенных государств, выполненной выпускницей факультета М. Чепуриной посредством создания количественной базы данных и применения метода факторного анализа для ее обработки. Полученные результаты подтвердили корректность теоретической классификации суверенных государств, предложенной в свое время С. Краснером. Однако этот результат был бы невозможен без рекомендаций и поддержки М.М. Лебедевой, которая помогла поставить корректные исследовательские вопросы и задать канву причинно-следственных связей. Именно эти каузальные связи и были протести-

рованы при помощи факторного анализа: мы выявили факторы, которые играют статистически значимую роль в принадлежности стран к различным типам суверенных государств. Во втором случае эксперты оказали значительную поддержку в интерпретации результатов. Упомянувшееся исследование динамики военных расходов уже после проведения формализованного тестирования гипотез получило неожиданное развитие на конференции «Внешнеполитический процесс в странах Востока», которая проводилась в МГИМО в апреле 2009 г. Специалисты-востоковеды помогли объяснить ряд особенностей динамики военных расходов в странах АТР. В частности, Д.В. Стрельцов и С.И. Лунев дали необходимые подсказки для интерпретации «аномальных» на первый взгляд результатов моделирования процессов в Японии и Индии. Результаты, полученные в процессе применения формализованных методов, сами по себе могут стать предметом экспертной работы.

Дискуссия о формализованных методах чревата двумя крайностями. Первая — отрицание их познавательной ценности или искажение их назначения. Вторая — преувеличение их возможностей и подмена цели исследования его средствами. Отказ от первой крайности вполне может обернуться второй, и наоборот. Лучшее средство для развития этой дискуссии — накопление собственного опыта использования формализованных методов для решения теоретических и прикладных задач. В конечном итоге именно рефлексия этого опыта позволит избежать крайностей и дать дополнительный импульс развитию нашей политологической школы.